

Я — человек. Я создаю себя сам

Пролог

ПОХИТИТЕЛЬ ПАМЯТИ

В жизни бывают моменты, которые хочется вычеркнуть из памяти. Но в *ее* случае память сама вычеркнула кусок жизни. С чьей-то помощью.

Сейчас, сидя в мрачной зловонной комнатухе, она касается пальцами обожженной кожи на голове. Местами они натываются на торчащие клочья волос и глубокие порезы. Тот, кто обрил ее наголо, не слишком старался.

Но страшно не это. Страшно то, что она впервые видит эту комнату. И как ни старайся, ей не вспомнить ничего, что произошло за последние дни или недели. Ее воспоминания обрываются осенним вечером, когда она вышла с работы, намереваясь зайти в гости к сестре. Когда это было? И было ли вообще?

Она пытается встать, но ноги не держат. Все тело болит так, словно кости покрылись сетью трещин. Она судорожно вздыхает и прислоняется к стене, по которой ползет черная плесень, оставляя за собой едкие разводы. И только теперь до затуманенного сознания доходит, что это не плесень. Это слова.

«Твоя память принадлежит мне».

Глава 1

ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМНИТЬ

I

Странно, что она заметила эту коробку лишь сегодня. Коробка красная, из потертого картона, пахнет пылью и затхлостью. На ощупь чуть шершавая. Обычная обувная коробка, которая лежит на верхней полке стеллажа много лет. Точнее, лежала.

Юлиана оглядывается на вход в гардеробную и облегченно выдыхает. Дверь в спальню открыта, а значит, это вовсе не замкнутое пространство полтора на полтора метра. Нечего опасаться.

— Что ты делаешь? — громкий голос мужа раздаётся над ухом, и от неожиданности Юлиана роняет коробку на пол.

Она испуганно оборачивается. Сердце рвется из груди, и мелкие капельки пота предательски холодят виски. А все из-за того, что Илья закрывает собой дверной проем, и стены вдруг начинают сжиматься вокруг Юлианы, как кокон бабочки, который невозможно разорвать.

— Пусти! — Она отталкивает Илью и вырывается в просторную светлую спальню.

Безликие обои, молочный паркет и шторы из воздушного шифона придают Юлиане сил. Приступ клаустрофобии проходит так же быстро, как начался.

— Хотела взять твою черную рубашку,— уже спокойнее произносит она.

— Я ее бросил в стирку.

Илья поспешно закидывает рассыпавшиеся фотографии с газетными вырезками в коробку и ставит ее обратно на верхнюю полку.

— Что это?

— Да так... Материалы по старым делам. Надо будет выбросить.

Он улыбается Юлиане, но на его лице странная печать усталости. Она подчеркивает новые морщинки, которые появились за последний год. Но, если не вглядываться, перед ней все тот же Илья. В белом махровом полотенце на бедрах он выглядит так же элегантно, как и в деловом костюме. Капельки воды скатываются по плоскому животу с мокрых волос, по цвету напоминающих жженое пшено.

— Ну, одолжи хоть белую рубашку,— Юлиана с трудом вспоминает изначальную цель.

Мысли перепрыгивают с красной коробки на клаустрофобию. С плоского живота Ильи на его голубые глаза. Она улавливает в расплывчатых воспоминаниях занятный вопрос: а когда в последний раз у них был секс?

— Может, тебе пора обновить гардероб и перестать таскать у меня одежду? — Илья с усмешкой снимает с плечиков рубашку и кидает Юлиане.

— Ты не понимаешь... Только твои вещи сидят на мне идеально.

Она вытаскивает из шкафа кремовые брюки и прикладывает к рубашке:

— Видишь? Безупречное сочетание. А теперь не мешай, я спешу.

Уже восьмой час, а в десять первые клиенты. Семейная пара, еще студенты, а уже проблемы... И зачем жениться в таком возрасте? Юлиана вышла замуж намного позже, но ее все равно не оставляет мысль, что она поступила так, лишь бы быть как все.

— ... не хочешь задержаться минут на пятнадцать?

Она слышит лишь конец вопроса, очнувшись от раздумий, когда Илья губами касается ее шеи. По коже бегут мурашки, и Юлиана томно вздыхает, но когда теплая ладонь Ильи скользит под рубашку, вздрагивает. Муж замирает.

— Может, хватит? Уже месяц прошел.— Илья отстраняется от нее, и его ладонь сжимается в кулак.

— Месяц? — Вот и ответ на ее вопрос.— Не думала, что так долго.

— Хватит уже себя винить. Я стараюсь быть терпеливым, но...— Голос Ильи обрывается в темной комнате, куда он ушел переодеваться.

— Прости. Я понимаю, ты хочешь, чтобы все было как раньше.— Взгляд Юлианы замирает на зеркале.— Но я словно больше не имею права на счастье.

Отговорки, отговорки, отговорки... Дело не только в ее проблемах. Дело в Илье.

Она — успешный психотерапевт, но боится вызвать мужа на откровенный разговор. Задать вопрос: что его мучает, почему он так изменился? Боится услышать ответ.

Юлиане нравится выглядеть элегантно. Наряд подобран скрупулезно вплоть до золотой цепочки на шее.

Темно-каштановые локоны уложены один к одному. Неизменная прическа изо дня в день, на которую она тратит минимум полчаса из утренних сборов — ее личный ритуал, придающий уверенности и спокойствия. Но последний месяц... За последний месяц все изменилось.

— Я просто хочу, чтобы моя жена вернулась. Да, возможно, ты виновата, — отзывается Илья. Он возвращается, уже одетый в темно-синий костюм с безупречными стрелками на брюках. — Но лишь отчасти. А возможно, и не виновата.

Он обхватывает ее лицо ладонями и нежно целует. Сейчас это тот же Илья, в которого она когда-то влюбилась.

— Та женщина страдала шизофренией, но от тебя скрыли этот факт. Ты помогала обычной семейной паре наладить отношения. И справилась на отлично. Кто знал, что после этого у нее окончательно снесет крышу? — Илья снова улыбается, и Юлиана не может не улыбнуться в ответ. Он говорит ей то, что она и так знает, но почему-то только после его слов становится легче. — Прошел почти год. Если бы этот случай не всплыл на телевидении, ты жила бы себе спокойно и ни о чем не знала. Не надо заикливаться на прошлом. Хотя бы ради меня, — после короткой паузы добавляет он.

— Ты уверен, что правильно выбрал профессию? — усмехается Юлиана.

— Одного психотерапевта в нашей семье с головой хватает. К тому же мне больше нравится защищать интересы людей, а не править им мозги. — Илья снова целует ее и, шлепнув по ягодицам, выходит из комнаты. — Сегодня на ужин заказываю клубнику, взбитые сливки и секс. Возражения не принимаются! — кричит он уже из кухни.

— Озабоченный,— добродушно роняет Юлиана и со вздохом поправляет волосы.

Возможно, ей и правда стоило пойти по стопам отца и возглавить юридическую фирму, которой сейчас руководил ее муж. Но... всегда есть это «но». Маленькое, короткое, противное.

А в остальном Илья прав. Почти во всем, кроме одного. Она *знала*, что у пациентки были проблемы с психикой, и все равно использовала запрещенный прием. Добилась гармонии в отношениях супругов, но не предвидела побочного эффекта. Хотя должна была.

Юлиана достает из косметички темно-зеленый карандаш в тон глазам и подводит нижние веки. Нужно двигаться дальше. Это не первая и не последняя ошибка в ее практике. В конце концов, она всего лишь человек. А человеку свойственно ошибаться.

Она заставляет себя улыбнуться отражению. На щеках появляются задорные ямочки. Хм, может, у нее и правда есть лишние пятнадцать минут? Может, и не нужен откровенный разговор с мужем, чтобы растопить лед в их отношениях? Подумаешь, обойдется без утреннего кофе.

Юлиана вытаскивает рубашку из брюк и решительно идет следом за мужем.

— Ты что будешь на завтрак: крепкий кофе или горький кофе? — слышится довольный голос Ильи.

— Взбитые сливки с клубникой.

* * *

Новоград осенью похож на златокудрую девицу, которая смущенно прикрывается рваным платьем, а под

ее босыми ступнями безжизненно лежат обрезанные локоны. Картина не меняется от одного микрорайона к другому. Двухцветные многоэтажные дома, забытые людьми, как метро в час пик, утопают в красных и желтых, пожухлых и едва облетевших листьях. Небольшой город с населением около полумиллиона человек кажется кому-то мегаполисом из-за обилия разноцветных зданий, красочных вывесок, рекламных щитов, витрин магазинов, украшенных цветами и огнями.

Юлиана паркует двухдверный «Мини Купер» на стоянке перед частным психотерапевтическим центром «Санитатем». Каждый раз, приезжая на работу, она любит лаконичным трехэтажным зданием с французскими окнами и серебристой, переливающейся на солнце облицовкой стен. В отличие от других клиник, где до сих пор живет дух Советского Союза, здесь современному человеку ничто не внушает ужас, что его сразу упекут в дурдом.

Юлиана закидывает на плечо черную лакированную сумку, глядит на наручные часы с бриллиантовыми цифрами, которые Илья подарил ей на день рождения, и раздосадованно вздыхает. Опоздала на двадцать минут. «Завтрак» продлился дольше, чем она планировала.

— Юлиана Владимировна! — за стойкой регистратуры вскакивает молоденькая администраторша Инга.

Забавная карешка до ушей и личико сердечком, которое сейчас скрыто за медицинской маской, — почти единственные причины, по которым ее взяли на работу. Администратор должен располагать к себе потенциальных пациентов, мило щебетать и рассказывать о том, какие чудесные профессионалы работают в их

центре. Чтобы напряженные клиенты почувствовали себя более расслабленно, на стойке горят ароматические свечи, и тонкий запах ванили, лаванды или жасмина изо дня в день наполняет холл с высокими потолками и светлыми стенами.

— Семейная пара на десять утра уже здесь. Ждет вас возле кабинета.

— Ох,— Юлиана мельком смотрит на чопорную старушку, которая сидит в фойе на бежевом диване.— А я еще и опоздала.— Досада становится еще сильнее.

Старушка осуждающе прищелкивает языком и направляет слуховой аппарат.

Юлиана мысленно закатывает глаза:

— Евгений Анатольевич не злился, что я задерживаюсь? — шепчет она Инге.

— Я ему сказала, что вы уже на месте,— так же шепотом отвечает та и лукаво подмигивает.

— С меня шоколадка.

Юлиана поднимается на второй этаж по широкой лестнице со свеженамытыми ступенями и спешит по длинному коридору к кабинету. Стук каблуков приглушается персиковым ковролином. На мягкой софе возле ее двери сидит молодая пара: ссутулившийся парень в бесформенной черной футболке и яркая рыжеволосая девушка, погруженная в смартфон.

— Здравствуйте,— мягко здоровается Юлиана и с улыбкой протягивает руку парню.— Меня зовут Юлиана Владимировна. Я так понимаю, вы ко мне?

Молодой человек поднимает на нее черные глаза и крепко пожимает ей руку. Медицинская маска легкомысленно сдвинута на подбородок. Странно, но от его изучающего взгляда Юлиане становится не по себе,

будто она столкнулась с чем-то потусторонним и необъяснимым.

— Да, мы к вам,— тихо, с легкой хрипотцой отзывается он.

Юлиана переводит взгляд на его жену, но та не отрывается от мобильного, губами пожевывая маску.

— Подождите пару минут, и я вас вызову.

Она достает ключи из сумочки, но не успевает вставить в замок:

— Внутри зашел мужчина.— Парень продолжает глядеть на Юлиану так пристально, что та на секунду забывает, куда шла.

— А? Хорошо, спасибо.

Мужчина... Наверняка директор.

Набравшись смелости, Юлиана заходит в кабинет, оставив странную пару в коридоре.

Евгений Анатольевич и правда дожидается ее на просторном диванчике и задумчиво пролистывает журналы, изредка поглаживая черные усы и ухоженную бородку.

— Здравствуйте,— она как школьница застывает возле двери, но тут же расправляет плечи и садится напротив директора в кресло, в котором ведет прием.— Простите, я сегодня задержалась. Этого больше не...

Он не дает ей договорить шаблонную фразу и перебивает:

— Твое опоздание и даже детская ложь Инги меня пока что мало заботят.

Евгений Анатольевич разбил много женских сердец. Этот смуглый брюнет с глубоко посаженными синими глазами, убежденный холостяк в сорок лет, посвятил жизнь работе. Но был между ним и Юлианой один секрет, который она предпочла бы забыть.

— Тогда что?

Евгений сцепляет пальцы и тяжело вздыхает:

— Ты была такой легкомысленной, когда пришла сюда работать. Незамужняя и ветреная, но при этом тонко чувствовала человеческие души. Дар, который не отнять.

Привычка Евгения Анатольевича погружаться в прошлое безумно тяготит. Юлиана стискивает зубы, а он продолжает:

— Ты талантливый психотерапевт и уже в тридцать один год успела сделать себе имя.... А сейчас все трещит и находится на грани...

— Евгений Анатольевич, вы все-таки решили меня уволить?

Юлиана поморщилась. Несколько недель назад она сама пришла к нему с заявлением на увольнение. Но Евгений заявил, что она слишком ценный сотрудник, чтобы ею разбрасываться, и они больше не будут обсуждать этот вопрос. Но, видимо...

Он взмахивает рукой:

— Не перебивай. Вчера ко мне снова приходили журналисты.

— Опять?! Спустя месяц? Я думала...

— Я тоже так считал, но эта трагедия многим не дает покоя. Недавно опять крутили шоу, в котором разбирали подобные случаи, и, разумеется, вспомнили про нас.— Евгений Анатольевич шуруется и устремляет взгляд поверх плеча Юлианы, в сторону окна, едва прикрытого полупрозрачным тюлем.— Журналисты хотели с тобой поговорить, но я в сотый раз сослался на то, что мы не разглашаем тайны пациентов. Пускай даже один из них давно в могиле, а другая потерялась в своем безумии.

— Пусть мучают их родственников,— невольно огрызается Юлиана. В животе заново скручивается тугой узел вины, который она наивно пыталась развязать сегодня утром.

— Видимо, они тоже прячутся от журналистов. Неважно. Кроме домыслов, у них ничего нет. Но наша репутация висит на волоске. И восстанавливать ее предстоит тебе.— Он встает и наклоняется к Юлиане, легким движением проводит по щеке, но его прикосновения уже давно не вызывают никаких эмоций.— То, что ты сделала,— тихо произносит Евгений, так, что даже Юлиане приходится напрягать слух,— останется между нами. Но не допускай подобных ошибок. Больше. Никогда.

Евгений поджимает губы, а его взгляд делается жестким, напоминая о том, что произошло шесть лет назад и какие последствия повлечет за собой новая ошибка.

II

Он уходит, оставляя в напоминание лишь едкий аромат парфюма — запах костра. Несколько секунд Юлиана не двигается, в глухой тишине оглядывая кабинет. Опустевший диван с бежевой кожаной обивкой, еще сохранивший вмятины на том месте, где сидел Евгений Анатольевич, теперь выглядит злобным чудищем. Да и сама комната вдруг становится крохотной и недружелюбной. Даже картина с разноцветными бабочками, которую она с такой любовью выбирала пару лет назад, теперь кажется уродливой.

Юлиана шумно выдыхает и потирает ладони, пытаясь согреться. Ничего не случилось. Все хорошо. То,

что было в прошлом, останется в прошлом. Главное, чтобы оно вдруг не ожило.

Она вешает в угловой шкаф плащ и обрабатывает руки антисептиком. Приоткрывает окно, впуская прохладный осенний воздух. Десять глубоких вдохов и выдохов. Постепенно сердцебиение успокаивается. Неважно, какие проблемы у нее. Сейчас она должна решать чужие.

С мягкой улыбкой Юлиана открывает дверь и приглашает молодую пару войти:

— Спасибо, что дождались. Проходите. Маски можно снять, между нами больше двух метров.

Пока молодые люди располагаются на диване, Юлиана усаживается в кресло и находит в планшете информацию о клиентах: *Колесниковы, Валентин и Алла. Двадцать один и двадцать лет соответственно. В браке два месяца. Детей нет.* А затем привычным жестом создает новый документ для заметок.

— Итак, Валентин, Алла, вы не возражаете, если я буду звать вас по именам?

— Как скажете, — сухо отзывается Валентин.

Он так и сидит с медицинской маской на подбородке, то ли действительно забыв про нее, то ли демонстрируя пренебрежение к словам Юлианы. Зато его жена поспешно избавляется от маски, испачканной с внутренней стороны губной помадой, и запихивает ее в сумочку. Молодая женщина ерзает на диване, то подвигаясь к мужу ближе, то снова отстраняясь, словно никак не определится, на одной они стороне или нет.

— Я очень рада, что вы решили доверить мне свои семейные проблемы. Мы постараемся во всем разобраться и попробуем преодолеть любые разногласия.

Алла проводит ладонями по бедрам, чтобы успокоиться, и в итоге сцепляет руки, но указательный палец правой руки продолжает нервно подергиваться. Кабинет наполняется интересной смесью клубничного аромата и запаха натуральной кожи, и у Юлианы усиливается чувство, что более неподходящих друг другу людей она до сих пор не встречала.

Валентин хмурый, замкнутый. Его длинные черные волосы слегка выются на кончиках, а глаза непонятного цвета. Такие темные, что нельзя с уверенностью сказать, карие они или синие. Зато Алла весьма живая, энергичная девушка с пышной грудью. Рыжие кудряшки подпрыгивают на плечах, ясные голубые глаза едва подведены серым карандашом.

Юлиана начинает сеанс с вводных вопросов, чтобы определить психотипы и акцентуации характеров. Благодаря этому она сможет подобрать подход к каждому из молодых супругов. Даже прожив вместе много лет, разные люди остаются разными.

Покончив с вводной частью, на которую ушло больше времени, чем ожидала Юлиана, она осторожно подбирается к главной теме — что сподвигло пару прийти к ней на прием?

— Я вообще не хотела идти,— заявляет Алла и тут же испуганно отодвигается от Валентина по дивану.— Но он сказал, что иначе наш брак развалится!

— Можно подумать, тебе плевать на то, что мы собачимся каждый день? Ах да, я забыл. Такая обстановка очень типична для твоей семьи,— саркастично замечает Валентин.

— Ну, конечно! Зато твои родители — святые. Я бы ни за что не вышла за тебя, если бы знала, что ты так изменишься.